

*А.В. АВРАМОВ**Псковский филиал СПбГУСЭ*

РОССИЙСКИЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КОДА ВЛАСТИ

Рассматривается особенность российской коммуникативной практики в генерализации кода власти. Анализ коммуникативной специфики представлен как синтез культурного прошлого, отраженного в особенностях российской коммуникативной практики, и результат современной межкультурной коммуникации.

История общества – это история его коммуникации. На первый взгляд, это утверждение кажется ложным. Но, если вспомнить историю, то обнаруживается прямая взаимосвязь, которая указывает на то, что коммуникация – это первая форма организации социума, его инструмент и обязательное условие существования. Нет ни одной биологической системы, которая бы не была структурирована той или иной формой коммуникативного процесса. Как указывает У. Эко: «Коммуникация охватывает всю сферу практической деятельности в том смысле, что сама практика – это глобальная коммуникация, учреждающая культуру и, стало быть, общественные отношения»[9, С. 530]. Более того, формирование дискурса является не только условием существования социума и всех общественных практик, но и сама коммуникация зависит и организуется этой практикой. «Только дискурс связывает технические, экономические и политические условия в функциональную сеть функциональных практик, которые затем служат для воспроизводства и самого дискурса, и этой сети»[8, С. 280]. Таким образом, человеческий социум является системой только в той мере, в какой развита его коммуникация, а характер этого развития определяется организацией его коммуникативного действия. Отсюда, можно заключить, что аутопойезис общества является детерминированным соответствующим аутопойезисом коммуникации.

В любом обществе огромную роль для организации его солидаризации играет суггестия социального коммуникативного акта, который порождает отношения различия на субъективном уровне через различие первого порядка, а именно, – транслируемой социально значимой информации. Таким образом, поле суггестивности определяет предел сообщения, развивающегося в границах одного коммуникативного кода. Все это формирует, как субъективные, так и объективные, не зависящие от субъекта, нормы и ценности, которые включаются в смежный коммуникативный код как аттракторы, или как бинарно-оппозиционные пары понятий, через которые выстраивается коммуникативный дискурс с соответствующей последующей тематизацией и определенной, зависящей от уровня кодирования, темпорализацией дискурсивной практики, которая находит свое отражение в организации внешней социальной системы. При этом, следует заметить, что «ценности в коммуникации предполагаются, передаются совместно с прочим, но не становятся предметом коммуникации. Они активизируются только в качестве предпосылок, но не утверждений [...]. Сами по себе ценности суть, прежде всего, лишь предпочтения»[3, С. 229].

К ключевым и необходимым ценностям любого общества, а, следовательно, и коммуникации относится и феномен власти. При этом проблема концептуализации кода власти отражает не только политическую необходимость и возможность локальной культурной практики, но и формализует и определяет мировоззренческие приоритеты эпохи и социума. Как заметил Ю. Хабермас: «Власть – это то, что позволяет субъекту оказывать успешное воздействие на объект. При этом практический успех зависит от истинности суждений, входящих в план действий; понятие власти зависит от понятия истины, и этот тезис локализует значение критерия практического успеха»[8, С. 286]. Таким образом, будучи детерминированным условиями возможности коммуникативного кода власть как феномен определяется историей тематизации социальной коммуникации. Исходя из темпоральных границ тематизации, власть получает свои социальные ограничения, которые обуславливают, как структуру государственного устройства, так и формы ее изменений.

Обращаясь к истории государства, как определенной коммуникативной действительности, не трудно заметить сменяющиеся и чередующиеся организационные формы.

В общественно-политической мысли присутствует теоретическое решение возможности и необходимости такого процесса. При этом, в зависимости от коммуникативного кода той или иной социальной парадигмы решение выстраивается на основании базовых бинарно-оппозиционных понятий, структурирующих весь парадигмальный дискурс. Обращение к бинарно-оппозиционным понятиям, как основе развития любой коммуникации предопределено возможностями самой организации такой структуры. «Бинарные структуры предопределяют существенные темпоральные преимущества: они предоставляют самую быструю возможность для упорядочивания результатов запоминания. Поскольку язык уже является бинарно-кодированным, бинарные структуры способны быстро актуализироваться»[4, С. 176]. Обнаруженные взаимосвязи между системами коммуникации, сознанием, социумом и языком позволяют определять их взаимосвязь и взаимовлияние. Так, например, Н. Луман, рассматривая социальную дифференциацию через анализ развития коммуникативного кода, подчеркивает: «кодирование управляет колебанием между позитивным и негативными значениями, т. е. контингенцией оценок, на которые система ориентирует собственные операции»[3, С. 176]. Вместе с тем, решение проблемы темпоральности и очередность государственного устройства практически не генерализируется. Выход из тупика полипарадигмальности существующих социальных теорий обнаруживается в коммуникативном начале, а именно, – коммуникация, являясь имманентной основой социума, порождает отношение с внешними системами, такими как – сознание и природа. При этом в основе коммуникации лежит не только факт интеракции, но и различие порождающее различие, т.е. информация. Информация основывается на способе интерпретации, который зависит от принятого коммуникативного кода. В основе каждого кода существует некий «скелет», определяющий устойчивость и структурированность возможной селекции. При этом, сам «скелет» является неизменным и сопряжен со структурой сознания, таким образом, код становится всеобщим правилом развития не только коммуникации, но и социума. Различная темпоральность в решении социальных задач и отношений к феномену власти определяется как базисом коммуникативного кода, так и опытом межкультурной коммуникации, приводящей к изменению селективной практики через порождение возможных коннотаций, заимствованных от других коммуникативных практик в рамках единого предметного дискурса. Значение межкультурной коммуникации невозможно переоценить. Ее нельзя охарактеризовать определенно – ни с положительной, ни с отрицательной стороны. С одной стороны, как утверждает К. Леви-Стросс: «чем меньше человеческие культуры могли общаться между собой, а, следовательно, уничтожать друг друга во взаимных столкновениях, тем меньше их представители были способны замечать богатство и значение этого разнообразия»[2, С. 45]. С другой стороны, многообразие культурного опыта порождает соответствующее многообразие культурных решений, что, в свою очередь, приводит к возрастанию комплексной сложности как социума, так и коммуникации. «Единожды введенное кодирование – как момент аутопойезиса языковой коммуникации – уже не может быть отброшен. Его воздействие усиливается вместе с возможностями языковой коммуникации, т.е. вместе с обществом. Чем больше (благодаря развитию семантики сложности) предуготовлено возможностей выражения и понимания, тем больше порождено и сопровождающих побуждений и их отклонений»[4, С. 59]. Отсюда следует, что наблюдаемая в обществе диалектика власти и государства подчинена двум началам, а именно, эндогенным – определенным онтологической сущностью коммуникативного кода, и экзогенным – опыту межкультурной коммуникации.

Рассматривая каждую культуру как самобытную форму общественного бытия и организации сознания его субъектов, приходится заключать, что все многообразие культур имеет некую общую систему, на основании которой можно систематизировать не только культуры, но и коммуникативные практики. Так, русская культура, с ее особой ментальностью, часто определяемая как душевная, характеризуется неким вектором срединного отношения между духовным и материальным началом. При этом, такая характерная чер-

та определяет и отношение в культуре к власти. Сохранение уникальной клишированной¹ культуры способствует сохранению устойчивого отношения и к власти, и ее структурам в общественной коммуникации. Изменение в результате межкультурной коммуникации и ассимиляция признаков вариативности привносит в характер культурной коммуникации и отношений в социуме особое унифицированное отношение к власти. Для большинства стран, которые традиционно позиционируются, как государства Запада, унификация является возможным и, где-то, даже необходимым условием интеграции в единое мировое сообщество. Но для России такая унификация является практически невозможной, так как исторически обусловленное расположение между крайними полюсами культурных текстов, а именно, – между Западом и Востоком, или – между сенсетивной² и идеациональной³ культурами, сформировала определенную позицию медийного транслятора, обеспечивающего коммуникацию между крайними формами. Именно устойчивость исторического места российской культуры накладывает свои отпечатки на попытки вариа- тивизировать культуру России. Так, например, практика общественных отношений к политическому лидеру как некоему идеалу, образцу проявления власти, представляющему квинтэссенцию культурных, а значит, и коммуникативных ожиданий отличается в России от опыта аналогичных ожиданий других культур. Стремление, с одной стороны, к политическому плюрализму, а значит, созданию релевантных отношений в межкультурной коммуникации, к организации российской политической действительности на основе демократических начал отражается в декларировании западных образцов культурной селекции. Вместе с тем, принадлежность к идеальной, с точки зрения срединной культурной формы, как равновесной между идеациональной и сенсетивной культурами, создает уникальную ситуацию в коммуникации. С одной стороны, – опыт Запада в построении демократического государства, основанный на сенсетивной системе ценностей, вступает в противоречие с культурной традицией ожидания идеального, строгого и справедливого правителя, привносит изменение в опыт российского демократического строительства. С другой стороны, генетическая и межкультурная взаимосвязь с восточной, а значит, тяготеющей к идеациональному типу культурой, порождает внутренние противоречия, отражающиеся в опыте построения культурного текста. Учитывая архитипические приоритеты, связанные с сугубо российским опытом демократического строительства, инновации западной коммуникации в области политических решений не позволяют ожидать однозначного опыта реализации демократических институтов. Свидетельством этому служит вся современная политическая история Российской Федерации. Так, например, анализ прошедших в декабре 2007 года выборов в Государственную думу ясно указывает на ряд характерных особенностей российской политической коммуникации. Так, партия власти – Единая Россия, в своей предвыборной программе четко позиционирует себя как партия Путина. Программа партии, в глазах общественного сознания, определяется как программа Путина. Даже символическая презентация партии выражается через образ Владимира Владимировича Путина. Таким образом, современные политтехнологи обнаружили успешную стратегию коммуникативного акта. Обращаясь к электорату, они задействовали сразу несколько коммуникативных кодов, посредством которых добились комплексного воздействия на сознание народа. Обращаясь к рациональным, основанным на уровне здравого смысла, аргументам и символическим архитипическим структурам, они активизировали и сформировали в сознании общества целостность образа, как партии, так и выбранного курса развития. Необходимость создания, хотя бы на уровне симулякра, видимости определенности и осознанности выбранного пути, как некоего устойчивого курса развития общества, порождено условиями развития современной информационной цивили-

¹ Клишированная культура – это культура, развитие комплексной сложности которой связано с единством природно-климатического, географического и национально-этнического начала. Традиции и ценности данной культуры входят в практику бытования всех сторон общественной и личной жизни ее субъектов и практически транслируются на уровне бессознательного начала, тем самым образуют уникальную архитипическую структуру.

² Сенсетивной культурой называется чувственная культура, считающая реальностью только то, что дано органам чувств.[6].

³ Идеациональной культурой называется культура воспринимающая реальность как нематериальное, непреходящее Бытие, цели и потребности которой в основном духовные.[6].

лизации, которая обрушивает на сознание субъекта гигабайты информации ежечасно. Запутанное и ограниченное сознание стремится выбраться из сложившегося хаоса информации, из усиливающегося коммуникативного шума, порожденного сверх активной межкультурной экспансией. Проблема определенности экзистенции человека является основополагающей для жизни, как каждого субъекта, так и социума в целом. «Человеку нужна система координат, некая карта его природного и социального мира, без которой он может заблудиться и утратить способность действовать целенаправленно и последовательно. У него не было бы возможности ориентироваться и найти точку опоры, которая позволяет человеку классифицировать свои впечатления, обрушивающиеся на него»[7, С. 316]. Данная необходимость достаточно определенно выражена К.Р. Поппером в следующем высказывании: «Мы были бы испуганы, озабочены и не смогли бы жить в социальном мире, если бы в нем не было порядка, если бы он не содержал множества регламентаций (regularities), к которой мы приспосабливаемся. Простое существование этих регламентаций гораздо более важно, чем их конкретные достоинства и недостатки»[5, С. 224]. Единственной областью в современном мире, где возможен такой выход для консолидации специализированного субъективного сознания является область политической коммуникации, которая, в свою очередь, опирается на положения, основанные на аксиологических приоритетах интересубъективного сознания. Границы политической коммуникации наиболее тесно соприкасаются со структурами смежного коммуникативного кода за счет чего обращение к ней любого субъекта становится достаточно свободным и не требует дополнительных усилий и времени для инкоммуникации¹ в соответствующий код. Более того область политической коммуникации представляется субъективному сознанию областью с довольно ясной, пускай и кажущейся таковой, структурой, которая позволяет выработать субъективный опыт отношений к существующей культурной среде. Существует и определенная «субстанциональная» необходимость определяющая доступность политической коммуникации любому субъективному сознанию, а именно, – в отличие от других коммуникативных кодов, существующих в практике общекультурного дискурса, политическая коммуникация зависит от развития культуры соответствующей эпохи. Уровень развития соответствующей эпохи отражается в специфике функционирования коммуникации, а именно, – любая коммуникация развивается в двух возможных направлениях – парадигмальном и синтагматическом. Парадигмальный вектор развития коммуникации обнаруживает возможный опыт через выстраивание базовых бинарно-оппозиционных пар понятий в открывающемся, таким образом, поле коммуникации где заложены все возможные тематизации дискурса, а значит, и социальной организации. Синтагматическое направление развития коммуникации открывает интеллигибельный горизонт возможного опыта, который выражается в глубоких рациональных построениях, опирающихся, как на фундамент, на общее поле, раскрытое парадигмальной бинарно-оппозиционной парой понятий. При этом, единство двух векторов развития определяет и мировоззрение, и, в целом, культурную картину всей эпохи, как в субъективном, так и в интересубъективном сознании. Таким образом, чем шире опыт социальной практики в употреблении синтагматического направления коммуникации, тем более определенным и структурированным предстает политическая коммуникация, не подверженная сезонным изменениям в своих приоритетах.

Тотальная информатизация и скоротечность становятся условиями успешной социальной и субъективной экзистенции. Информация в вариативной культуре становится главным товаром и, вместе с тем, обладает ограниченной темпоральностью. Взаимосвязь культур основывает коммуникацию на тотальном господстве данных ценностей. Все это накладывает определенные ограничения на концептуализацию в интересубъективном сознании ценности и формы организации власти. Последствия такой активной межкультурной коммуникативной агрессии обнаруживаются в сугубо специфических формах культурного творчества, а именно, – сочетание в интересубъективном ожидании противоречивых атрибуций самого феномена власти. Особенно остро проявляется это в специфике российской политической коммуникации. С одной стороны, вера в справедливость и де-

¹ Инкоммуникация – процесс усвоения и адаптации коммуникативного кода субъектом.

мократичность власти, с другой, – ожидание жесткости и авторитаризма в фигуре и поступках политического лидера. Сам коммуникативный код, таким образом, обнаруживает свои темпоральные пределы. Специфика ограниченности такой практики основывается на базовых парах понятий, которые представляют собой не только слабо определенные и поэтому часто изменяющиеся коннотации данных понятий, но и возможной тематизации дискурсивной практики. Таким образом, коммуникация замыкается на области нравственных приоритетов, которые не соответствуют имманентным основам субъективного человека. Они так и остаются в области индивидуального опыта, а значит, и ограничены сознанием субъекта. Такое положение в политической и социальной коммуникации порождает и внешние противоречия, которые не только не способствуют стабильному поступательному развитию культуры, но и приводят к противоречиям в опыте межкультурной коммуникации. Последнее ведет к ограничению политических, экономических и социальных контактов, что переводит коммуникацию на уровень обособленного развития. Возникновение обособленности порождает множество противоречий, которые не позволяют российской культуре успешно интегрироваться в мировую культурную индустрию. При этом, двухполярный мир – Восток – Запад, менее обособлен вследствие априорного положения, как крайних точек дискурсивной практики, тогда как Россия обнажает противоречия каждой из сторон. Поэтому, ни один из полюсов не может полностью интегрироваться с российской действительностью, как областью, обнажающей внутренние противоречия каждого из коммуникативных кодов. Вместе с тем, объединяя в себе оба начала, российская коммуникация обнаруживает скрытое величие самого человека, ибо только в ней субъект предстает как некая равновесная сущность. Как метко подметил А. Глюксманн: «Величие обнаруживается не в крайней точке, но в обеих крайностях одновременно, если заполнен весь промежуток между ними»[1, С. 57]. Таким образом, специфика проявлений российской политической коммуникации в концептуализации феномена власти характеризуется как необходимая форма общечеловеческой практики культурного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глюксманн, А. Философия ненависти / Андре Глюксманн ; пер. с фр. А. Демина. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА : Транзиткнига, 2006. – 284 с.
2. Леви-Стросс, К. Печальные тропики / К. Леви-Стросс ; пер. с фр. Г.Е. Сергеева. – Львов : Инициатива ; М. : ООО «Фирма «Издательство АСТ» , 1999. – 576 с.
3. Луман, Н. Дифференциация / Н. Луман ; пер. с нем. Б. Скуратов. – М. : Издательство «Логос». 2006. – 320 с.
4. Луман, Н. Эволюция / Н. Луман ; пер. с нем. А. Антоновский. – М. : Издательство «Логос», 2005. – 256 с.
5. Поппер, К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / Карл Поппер ; пер. с англ. А. Л. Никифорова, Г. А. Новичковой. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 638 с.
6. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин. – М. : Астрель , 2006. – 1176 с.
7. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Эрих Фромм ; пер. с нем. Э. Телятниковой. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. – 635 с.
8. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас ; Пер. с нем. – М. : Издательство «Весь Мир» , 2008. – 416 с.
9. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; перев. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб. : «Симпозиум» , 2004. – 544 с.

К.Е. ВЕСЕЛКОВА

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ БОЛЬНИЧНОГО СТАЦИОНАРА

Рассматриваются психологические и педагогические аспекты подросткового травматизма. Анализируется личностная обусловленность психической адаптации подростков к последствиям физической травмы. В качестве внутренних условий адаптирования рассматриваются эмоциональные и мотивационные аспекты личности, сфера социального опыта подростка.